

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
имени академика Н. Я. МАРРА
СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА

II

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

АКАДЕМИИ
1948

НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД

М. Е. МАССОН

ТРЕТИЙ КУСОК НЕФРИТОВОГО НАМОГИЛЬНИКА ТИМУРА

سنگ مرقد امیر تیمور کورکان که آژ
یکپارچه یشم است

‘Могильный камень эмира Тимура,
который из одного куска нефрита’

(Мухаммед Казим)

Черно-зеленый нефритовый намогильник Тимура, за который, по словам Мирхонда, китайские императоры некогда предлагали разные богатства своей страны и 100 000 динаров, пользуется очень широкой популярностью у самаркандцев. В их глазах он не просто „каш“, „таш“ или „санги-сио“ (‘черный камень’), но у него есть собственные прозвища: „сиотоб“ (‘темнолучистый’) ¹ и „махтоб“ (‘лунолучистый’ или ‘луносияющий’). И все знают, что он „яшм“ (‘یشم — „почечный камень“), ² т. е. принадлежит к нефритам, которые издревле наделялись на Востоке рядом чудесных свойств. Считалось, что с помощью нефрита можно вызвать дождь; что он предохраняет от опасности при землетрясении и отворачивает молнию, почему ношение его гарантирует от поражения ею; что сосуды из этого камня раскалываются сами собой, если в них попадает яд, и что принятие пищи в нефритовой чаше помогает при сердечных заболеваниях. Как полагали мусульманские минералоги, подлинный „яшб“, именно зеленого цвета, кроме как в Кашгаре и в Хотане, нигде более не находят, что во второй половине XVI в. засвидетельствовал Амин Ахмед Рази в своем труде „Хафт иқлим“. Вот почему нет ничего удивительного, что еще в конце прошлого столетия, дабы удовлетворить спрос населения, жившие при Гур-и Эмире шейхи за соответствующее вознаграждение откалывали мелкие кусочки „сиотоба“ для хранения в качестве тумара-оберега или для

¹ Интересно, что И. В. Мушкетов, детально изучавший нефритовый намогильник Тимура, в научном описании применил термин „лучистый камень“, желая выразить характер сложения данной породы. См.: И. В. Мушкетов. Нефрит и его месторождения. Горный журнал, 1882, № 6, стр. 401.

² Местные жители, а также некоторые европейские авторы ошибочно считают яшмой породу, из которой сделана панель в Гур-и Эмире и которая в действительности представляет собой оникс.

приема в качестве лекарственного снадобья¹ верующим, а заодно и тароватым европейским туристам, уносившим их уже как приятный сувенир о посещении бывлой столицы Тимūra.

И, проявляя внимание к великолепному намогильнику, люди давным давно подметили, что он искусно составлен из нескольких хорошо подогнанных кусков. Для объяснения этого сложилась легенда, передаваемая в нескольких вариантах, согласно которой в подаренном якобы некоей китайской принцессой нефритовом монолите подозревали наличие спрятанных внутри сокровищ, ради овладения коими камень был похищен грабителями, раскололся на несколько частей при неудачной погрузке, был брошен ими и собран на своем месте представителями мусульманского духовенства. Наряду с этим среди населения жили смутные воспоминания о действительном увозе намогильника в 1740 г. по распоряжению Надир шаха в Мешхед,² с каковым событием многие и связывали или умышленный или случайный раскол каменной плиты на несколько кусков. Во всяком случае, из них на месте к моменту ремонтов памятника в 1916 и 1924 гг., когда снимались все верхние намогильники главного помещения Гур-и Эмира, оставалось лишь два наиболее крупных, определявших собой основные размеры и форму надгробия Тимūra.³

Между тем, негласная молва уже в первые годы после Октябрьской революции упорно разносила слух, что в Самарканде где-то имеется еще кусок от „сиотоба“. Попытки Самаркандской комиссии по охране памятников (Самкомстариса) получить об этом более конкретные сведения в течение долгого времени оставались тщетными. Удалось узнать лишь, что этот камень будто бы очень давно находился при каком-то мазаре без более точных указаний. Так продолжалось до тех пор, пока несколько лет назад в Самкомстарисе не появился однажды весьма почтенного возраста местный житель и не передал для установки на место довольно значительный кусок черно-зеленого нефрита, который, по его словам, переходил у них в семье из поколения в поколение и достался ему по наследству от отца. Вскоре старик скончался, а доставленный им объект был помещен на хранение в несгораемый сейф. Он был извлечен оттуда и передан мне для изучения в 1943 г. в связи с проведением намеченных тогда и частично осуществленных научно-исследовательских и ремонтно-реставрационных работ на Гур-и Эмире.

¹ Осколки „сиотоба“, между прочим, иногда толкались шейхами в порошок и в таком виде уже за довольно высокую мзду отпускались народу как целебное средство против различных страданий, особенно же против заболеваний желудка и почек.

² Об этом подробнее всего в работе В. В. Бартольда „Новые данные о самаркандских памятниках“ (ЗВО, т. XXV, СПб., 1921, стр. 83—88).

³ О ремонте на Гур-и Эмире в 1916 г. в печати имеется упоминание, а о работах 1924 г. см.: М. Е. Массон. Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами Самкомстариса на мавзолеях Гур-и Эмир и Аксарай в Самарканде в 1924 году. Известия Средазкомстариса, вып. I, Ташкент, 1926.

Не было никаких сомнений, что дар старика имеет прямое отношение к намогильнику Тимūra. Он представляет собой фрагмент от нижней части юго-западного угла плиты (рис. 1). С внутренней стороны в нем имеются два гнезда для небольших железных штырей, с помощью которых произведено было скрепление с прилежащими поверхностями большой плиты, приходящейся в ногах погребения. На одной из двух наружных поверхностей куска, имеющей площадь в уцелевшей части около 140 кв. см, сохранилось целиком и частично несколько слов, являющихся продолжением четырех нижних строк арабской надписи, размещенной на торце намогильника Тимūra. Выполнены они той же техникой и тем же своеобразным почерком насх-и-сульс с малым числом точек и харакатов, как остальные надписи намогильника, где буквы выполнены обводом по контуру сплошным неглубоким линейным желобком. По преданию, надпись была нанесена с помощью стальных алмазных инструментов. При накладывании обнаружившегося третьего куска нефритового намогильника на свое место устанавливается, что на стыке в результате сколов совершенно утрачено несколько менее 70 кв. см площади, некогда занятой текстом надписи. И все же приходится с удовлетворением констатировать, что, к счастью, не оправдалось высказанное мной двадцать

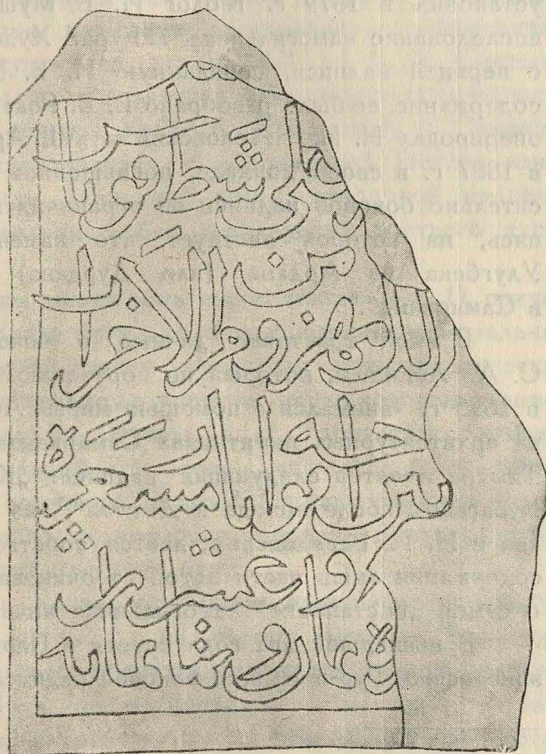

Рис. 1. Надпись на третьем куске нефритового намогильника Тимūra.

лет назад предположение, не попал ли в XVIII в. в руки индийца-историка, 'Абдулкерїма кашмирского, через посредство лично знакомого ему человека, выполнявшего упомянутое выше поручение Надир-шаха, именно недостававший кусок с частью торцевой надписи.¹ Теперь совершенно очевидно, что 'Абдулкерїмом в Индию был увезен другой кусок с гладкой поверхностью.

Хотя намогильник Тимūra обследуется европейскими специалистами свыше ста лет, но надписи на нем и до сих пор оставались полностью не прочитанными.² Ориенталист Н. В. Ханыков в 1842 г. вообще обошел

¹ М. Е. Массон. Мавзолей Гур-Эмир. Ташкент, 1926, стр. 27, прим. 1.

² См. теперь статью А. А. Семенова—выше, стр. 49—62. [Ред.]

5 Эпиграфика Востока, II

их молчанием.¹ А. Вамбери, осматривавший памятник в 1863 г., ограничился кратким замечанием, что надгробная надпись Тимūra очень проста.² Ориенталист В. В. Радлов, посетивший Самарканд пять лет спустя, ошибочно назвал породу намогильника Тимūra черным мрамором, отметил в своем описании лишь, что вокруг камня имеется очень неясная надпись.³ Правильно определил „сиотоб“ как нефрит геолог Н. П. Барбот де Марни, отбивший в 1874 г. несколько мелких сколов от края намогильной плиты. Ту же породу установил в 1879 г. геолог И. В. Мушкетов, давший затем обстоятельное исследование намогильника Тимūra.⁴ Художник Н. Е. Симаков сделал копию с верхней надписи, переданную И. В. Мушкетовым в Академию Наук, где содержание ее было разобрано В. В. Розеном.⁵ Этой же надписью в основном оперировал Н. И. Веселовский на VII Археологическом съезде в Ярославле в 1887 г. в своем докладе, посвященном намогильнику Тимūra, причем относительно боковой надписи он ограничился сообщением: „Сбоку в ногах надпись, из которой явствует, что камень этот перевезен по повелению Улугбека из Ардана (или Дурдана) близ Корши, в столицу, т. е. в Самарканд“.⁶

В иной трактовке данные о боковой торцовой надписи приведены С. А. Лапиным, который по поручению губернатора Самаркандской области в 1895 г. занимался с помощью мирзы Абū Са'ид Ма'сума разбором надписей на архитектурных памятниках Самарканда. По его словам, внизу намогильника Тимūra имеется следующая надпись: „Камень этот поставлен Улуг бēком Кураганом после похода в Джитта“,⁷ из чего совершенно очевидно, что им, как и Н. И. Веселовским, дается собственно вольная передача примерного содержания лишь части пятой строчки надписи, в которой в действительности о самой „постановке“ намогильника ничего не говорится.

В вышедшей два года спустя в Париже работе Е. Блоше, посвященной эпиграфике Гур-и Эмира, боковая надпись на нефритовой плите над могилой

¹ Н. Ханьков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 102.

² А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865, стр. 174.

³ В. В. Радлов. Средняя Зерафшанская долина. ЭРГО по Отд. этнографии, т. VI, СПб., 1880, стр. 25.

⁴ Кроме указанной выше работы, см. также ее на немецком языке в „Записках минералогического общества“ (1882, т. XVII) и в сборнике газетных публикаций „Туркестан“ (т. I, СПб., 1886, стр. 371—396).

⁵ „Туркестан“, стр. 377.

⁶ Н. И. Веселовский. Надгробный памятник Тимūra в Самарканде. Известия VII Археологического съезда. Ярославль, 1887, № 10, стр. 5—6; см. также Труды VII Археологического съезда, т. II, 1891, стр. 70.

⁷ С. А. Лапин. Перевод надписей на исторических памятниках Самарканда. Справочная книжка Самаркандской области, вып. IV, Самарканд, 1896, стр. 4. Библиографическая заметка об этой работе дана Н. Ф. Петровским в газете „Туркестанские ведомости“ (1896, № 13). В этой же газете в № 20 помещена дополнительная рецензия В. Л. Вяткина, внешнего, между прочим, несколько поправок в чтение родословной Тимūra, помещенной на „сиотобе“.

Тимūra не упоминается, а приводится лишь текст и перевод самой эпитафии с родословной.¹

В XX столетии сведения о боковой надписи прочно вошли в научную литературу, хотя часто приводились искаженно. Даже Н. И. Веселовский ошибочно утверждал в 1903 г., что она расположена „в головах надгробия“, и свидетельствует о привозе камня при Улуг бēке якобы из Хотана.² Более осторожно и точно некоторые данные о ней приводил в разных своих работах В. В. Бартольд. Попытку ее разбора делал в свое время В. А. Вяткин, неоднократно упоминавший об этом на своих экскурсиях по памятникам Самарканда, и, наконец, то же осуществил летом 1941 г. А. А. Семенов, доложивший полученные им результаты 12 октября следующего года на заседании Историко-археологического сектора УзФАН.³ При этом А. А. Семенов, уделивший главное внимание верхней надписи с родословной Тимūra, занимался в натуре и по изображениям лишь той частью торцовой надписи, которая уцелела на самом надгробнике, без привлечения третьего куска нефритовой плиты.

Вся надпись торцовой стороны имеет семь строк текста (рис. 1), причем три верхние после восклицания „Хвала богу“ содержат религиозно-моральные сентенции, и только в конце третьей строки начинается чисто исторический текст со слов — *اِنَّ هَذَا الْحَجَرَ* 'действительно этот камень', после которых надпись сбита. Поскольку дальше сохранились буквы... *الد*, допустимо думать, что тут следовал эпитет, производный от слова „черный“, быть может соответствовавший современному прозвищу „сиотоб“. На нашем куске нефрита только и могло разместиться это слово, от которого уцелели не поддающиеся разбору следы нижних частей одной или двух букв.

Концу четвертой строчки на новом фрагменте надгробника Тимūra соответствуют слова: *ر على شط قو باش*... '...на берегу Қўйāша'. Тюркским термином *قو باش* 'солнце', как известно, обозначалось место летней резиденции Джагатай в долине реки Или, по соседству с Алмалыком, вблизи высоких гор Кук. Около Куяша, похожего, по словам Джувейни, летом на рай, по распоряжению того же сына Чингиз хāна было устроено селение Қутлуг ('Счастливое'). Чтобы привлечь в окрестности побольше дикой охотничьей птицы, был прорыт даже специальный канал. Исходя из того, что при приглашении в 1223 г. находившегося в Алмалыке китайского философа Чан Чуня посетить в ставке торжественное жертвоприношение его просили

¹ Ed. Blochet. Les inscriptions de Samarcand, I, Le Gourimir ou Tombeau de Tamerlan. Revue Archéologique, s. 3, t. XXX, 1897, 1, стр. 71—74.

² Сообщение Н. И. Веселовского „О надгробии Тимура“ в заседании Восточного отделения Русского археологического общества 1 мая 1903 г. (ЗВО, т. XVI, вып. 1, СПб., 1904, стр. XIII).

³ Нет никаких данных полагать, что эта боковая историческая надпись тимуровского надгробника служила предметом разбора А. Э. Шмидта, занимавшегося в дореволюционное время специально чтением надписей на Гур-и Эмире в связи с выпуском Археологической комиссией известного альбома, посвященного этому памятнику, или И. П. Кузьмина.

„переплыть реку“, В. В. Бартольд предположил, что летняя орда Джагатая располагалась тогда на левом южном берегу Или.¹ Вероятно, там же продолжала оставаться и орда преемников Джагатая, причем, как это часто бывает, наименование пункта было распространено и на реку, которую в XV в. называли также Куяш или Ак-Куяш и под которой В. В. Бартольд справедливо понимал Или, так как в текстах, описывающих поход Улуг бэка в Моголистан, Ак-куяш фигурирует как крупная река, не без преувеличения сравниваемая с Джейхуном — Аму-дарьей.² При отсутствии на нашем куске нефрита точек в начертании названия Куяш можно было бы допустить его разночтение,

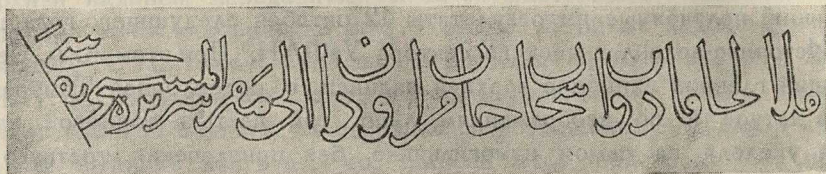

Рис. 2. Четвертая строка тордовой надписи нефритового намогильника Тимūra.

в частности как Кунās, что соответствовало бы начертанию этого слова в одной из рукописей. Но, повидимому, вернее в этом отношении чтение, предложенное В. В. Бартольдом, учитывавшим в свое время различные варианты написания названия орды Джагатая.³ Сама летняя ставка моголистанских владетелей ко времени похода против них Улуг бэка в 1425 г. носила название Қаршй, т. е. 'дворец'. Именно туда и двинулся знаменитый внук Тимūra, чтобы захватом имущества и стад надолго ослабить моголов — джете. Об этом пункте как раз и повествует содержание четвертой строки надписи, которую А. А. Семенов при упомянутом докладе в 1942 г. переводил так: „Доставил его (камень) хākāн Давāя Саджā хāн из Удāна (или Авдана) в местопребывание его престола, называемое Қаршй“.

В наименовании монгольского хāна, начертанном как دوا سخان خان (рис. 2), второе слово „Седжāн“, как мне кажется, соответствует в арабской транскрипции монгольскому „сецен“ — 'мудрый', 'вещий' (как титуловали в XIV—XV вв. наследственных главарей отока и улуса)⁴ и именно к нему, а не к первому, следует относить „нүн“. Мирхонд передает наименование

¹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. ЗАН, VIII серия по Ист.-фил. отд., т. 1, № 4, СПб., 1897, стр. 66—67; он же. Очерк истории Семиречья. Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета, т. II, Верный, 1898, стр. 117.

² В. В. Бартольд. Улуг бек и его время. ЗАН, VIII серия по Ист.-фил. отд., т. XIII, № 5, Пгр., 1918, стр. 82, прим. 2.

³ В. В. Бартольд. Отчет..., цит. соч., стр. 66, прим. 4.

⁴ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 138. — В древнем монгольском обществе это одно из прозвищ предводителей родовых аристократических домов (там же, стр. 74).

монгольского хана как „Джиджан“ (جيچن).¹ Таким образом, все три слова лучше озвучить как „Дува Седжан хан“. За ними следует مراودان, причем „мйм“ скорее слит с „рā“, чем с „нүн“, почему вполне допустимо чтение „Мерāудāн“. Это слово, повидимому, как-то может быть сближено с наименованием Мераурик (или Мераузик) Ила, где также на берегу Или Джагатай устраивался со своей ордой на зимовки.² Несмотря на соблазн смысловой передачи написанного словами — „из Аудāна“, даже независимо от того, что такое географическое название неизвестно, это чтение пока не может быть признано безусловным в силу начертания двух первых букв, допускающего иное толкование. Предполагаемый предлог من в следующей строчке имеет совершенно иное и вполне нормальное начертание.

Несколько иначе воспринимается слово, переводимое как „называемое“. Высеченное с небольшим дефектом, когда в конечном „йā“ по ошибке камнетеса не на месте проскочил на три миллиметра лишний отрезок линейного желобка, оно транскрибируется как المسمى или المستى, каковым эпитетом нарочито хотели унизить резиденцию беспокойного врага. Следующее за ним слово „Қаршй“ стоит с предлогом به, т. е. „в Қаршй“. Таким образом, полный текст фразы теперь может быть передан так: „Действительно тот черный (?) камень доставил хакан Дува Седжан хан Мераудан до местопребывания его престола распутного (или «преступного») в Қаршй на берегу реки Қуйаш“.

Концу пятой строчки на новом куске тимуровского „сиотоба“ соответствует следующий сохранившийся текст من الاحزاف... , который при сопоставлении с предшествующей фразой этой же строчки на торцовой стороне надгробия и началом шестой, с учетом утраты некоторых слов в сколотой части, позволяет так восстановить общее содержание надписи: „Доставил его (этот камень. — М. М.) из него (т. е. из Қаршй в Самарканд. — М. М.) Улуг бек Кұраган в продолжение похода против джете, ... войска которых он обратил в бегство и преодолел их...“

Как известно, упомянутый поход, совершенный вопреки запрещению Шахроха и начатый еще с зимы 1424 г., в целом по своим конечным результатам не вполне подходил под рубрику „победоносных“. Он хотя и окончился благополучно для самаркандского правительства, но не принес особых выгод. Ни кочевники, ни их предводители не были покорены. Некоторые отряды Улуг бека понесли чувствительные потери; сам государь вынужден был поспешно покинуть Моголистан, и в нем не соорудили никаких крепостей и не оставили никаких гарнизонов.³ В наскальной надписи, высеченной

¹ Мйрхбнд. روضة الصفا. Рукопись Института восточных рукописей УзАН, № 4213, стр. ۲۲۶. В индийском литографированном издании этого труда, вышедшем в 1833 г., рассматриваемое наименование транскрибировано как „Джйхун“ (جيچون; ч. VI). Между прочим, предок Тимūra в шестом поколении в надписи на нефритовом надгробии назван سوغجيچن.

² В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, стр. 117.

³ В. В. Бартольд. Улуг бек..., стр. 87.

в ознаменование этого похода в Джилянтинском ущелье, скромно указано лишь, что „Улуг бёк... предпринял поход в страну джеты и моголов и от того народа возвратился в эти страны невредимым“.¹ В надписи на нефритовом надгробии имеются в виду первоначальные военные успехи, в частности вступление в ханскую ставку.

От конца шестой строчки на угловом куске надгробия Тимūra имеется следующий фрагмент: *... من حه افوا نار مشعوه*, своим содержанием связанный с частью оставшихся слов этой же строчки и седьмой строки, разбор которых А. А. Семенов в своем цитированном докладе в 1942 г. ограничил замечанием, что они не исторические. Как выясняется, в них упоминается „покровитель Нух“ (т. е. Ной) с его ковчегом (فلك) и Халил Аллах (т. е. Авраам). В самом конце седьмой строки, после небольшого перерыва из-за сколотой поверхности, уже целиком на третьем куске нефрита полностью стоит дата события с предшествующими ей двумя последними буквами предыдущего утраченного слова: *... ده دمان وعشرين وثمانمائة*, т. е. 828/1425 г.

Сам Улуг бёк, по Мйрхонду, вернулся из Моголистана в Самарканд 10 ша'бана 828/27 июня 1425 г., причем он шел вдоль северного берега Иссыккуля. Два куска нефрита транспортировали несомненно по другой, более легко проходимой дороге. Для них были устроены не телеги, как пишется в европейской литературе, а специальные катки — гальтак, которые тянули то лошади, то волы. Доставка знаменитых нефритов была обставлена известной помпой. Особым сопровождавшим их эскортом ежедневно командовал какой-нибудь амйр-туман, т. е. один из военачальников высшего ранга, люди которого должны были выравнивать дорогу и помогать в трудных случаях продвигать драгоценный груз.² Все это, разумеется, замедляло движение, и нефриты прибыли в Самарканд несомненно позднее Улуг бёка, т. е. уже после июня, но до середины ноября, поскольку в надписи на камне обозначен 828 год, последний день которого приходится на 12 число этого месяца.

В ту пору своей жизни Улуг бёк уделял много внимания строительной деятельности, распространив ее, в частности, и на Гур-и Эмир. Уже в предшествующий окончанию моголистанского похода год, по данным Малихо, производилась пристройка с восточной стороны к главному помещению усыпальницы „Рахрави дарамед“ или так называемой „галереи Улуг бёка“. В процессе работ по новому оформлению усыпальницы деда и дяди государя едва ли надолго отложили изготовление и установку второго верхнего надгробия Тимūra из нефрита, каковой мог появиться под куполом мавзолея уже в следующем году.

Таковы некоторые исторические данные, которые заключает в себе или уточняет краткий текст одной из граней обнаруженного третьего куска

¹ П. И. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1876, стр. 26.

² Мйрхонд, ук. соч., стр. 117 б, где пропущены некоторые детали; подробнее в упоминавшейся индийской литографии, стр. 117.

„сиотоба“. Одновременно сам этот относительно небольшой фрагмент нефрита позволяет по-новому отнестись к давно дискутируемому в научной литературе вопросу, был ли некогда надгробный нефрит Тимūra расколот надвое или он никогда и не представлял собой монолита.

Уже Н. В. Ханьков обратил внимание на „трещины“ посредине надгробной плиты, отнес их появление за счет раскола на две половины при увозе камня из Самарканда по распоряжению Надир шаха. То же отметил при описании своего путешествия А. Вамбери, привел мнение одних, что камень развалился на две части по дороге из Самарканда в Мешхед, и утверждение других, что он и раньше состоял из двух кусков.¹ Разбитым надвое его считали В. В. Радлов, А. П. Хорошкин и другие многочисленные авторы, описывавшие Гур-и Эмир. Более осторожно отнесся к этому И. В. Мушкетов, не присоединивший окончательно своего голоса ни к одному из двух противоположных мнений: „Если допустить, — писал он, — что трещина... образовалась лишь впоследствии, а первоначально камень был целым,... то этот надгробный камень представляет самый большой из известных образцов нефрита... Если же даже допустить, что он составлен из двух тщательно пригнанных друг к другу частей, то и в таком случае каждая из них имеет необыкновенно крупные размеры“.²

Очень решительно против того, что оба куса тимуровского надгробника составляли одно целое, выступал Д. И. Эварницкий. Украинский историк базировался на собственных наблюдениях, по которым якобы „ни общий рисунок, ни мелкие пятна, ни отдельные жилки одной половины камня не соответствуют тому же другой половины его; даже более того, усматривая длинную жилку на самой середине одной половины камня в месте надлома его, мы вовсе не видим продолжения той же жилки в изломе другой половины его“.³

Много лет занимавшийся Гур-и Эмиром Н. И. Веселовский считал, что надгробие всегда состояло из двух половин, плотно пригнанных друг к другу.⁴ Его точку зрения разделяли В. Л. Вяткин и В. В. Бартольд, причем последний подтверждение мнения Н. И. Веселовского усматривал в передаче Мирзондом рассказа о перевозе двух нефритов в Самарканд.⁵

Очень интересные наблюдения над самым камнем произвели в 1940 г. геолог Б. И. Наследов и его доцент А. Г. Михновский. Ими было подмечено, а последним затем в результате подробного изучения и документально доказано, что два крупные куса надгробника принадлежат одной глыбе нефрита, распила которой пришлось как раз по верхней поверхности теперешней плиты. При наличии в нашем распоряжении в настоящее время еще и третьего куска

¹ А. Вамбери. Путешествие..., стр. 171, прим. 1.

² И. В. Мушкетов. Туркестан..., стр. 378.

³ Д. И. Эварницкий. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента. Ташкент, 1893, стр. 104.

⁴ Н. И. Веселовский. О надгробии Тимūra..., стр. XII.

⁵ В. В. Бартольд. О погребении Тимūra. ЗВО, т. XXIII, вып. I—II, Пгр., 1915, стр. 31

даже до его детального петрографического и минералогического анализа уместно по-новому пересмотреть историю намогильника Тимūra, в той мере, как это пока возможно.

Независимо от признания чтения „Мерāудан“ или „из Аудāна“ следует, повидимому, считать пройденным этапом вопрос о местном происхождении камня; на этом еще в конце прошлого столетия многие, и в их числе Д. И. Эварницкий, горячо настаивали, базируясь на наличии образцов нефрита у офицера Л. С. Барщевского, собравшего в свое время интересную геологическую и минералогическую коллекцию по Самаркандской области и Бухарскому ханству.¹ Уверенность некоторых была так велика, что когда после смерти Александра III возникла идея поставить в Петропавловском соборе над его могилой саркофаг из одного куска нефрита, были отправлены за розыском подходящей глыбы две экспедиции в Саяны и Туркестан. Поиски в горной Бухаре оказались тщетными.² Вероятно нефрит тимуровской могилы действительно происходит из месторождений Восточного Туркестана, как об этом писал еще И. В. Мушкетов.

Когда и где был найден нефрит — неизвестно,³ но в ханскую ставку на берегу Или попал вероятно в период монгольского владычества над страной, в пору ослабления возможностей Китая как-то контролировать месторождения священного в их представлении самоцвета. По словам Мйрхōнда, в Қарши в троне Дувā Джиджāн хāна были три камня „яшб“ удивительной красоты, служившие предметом тщетных домогательств со стороны китайских императоров. Когда Тимūr завоевал Моголистан, он якобы отдал распоряжение отправить камни в Самарканд, но тогда почему-то вывезли лишь один из них, а два другие забрал уже Улуг бек. О том, что представляли собой эти камни, пользовавшиеся в XIV—XV вв. известностью далеко за пределами Восточного Туркестана, можно судить лишь по краткому определению их Мйрхōндом: سه قطعه سنگ يشب 'три куска камня яшб'.⁴ Употребленный историком термин قطعه по самому своему корню подразумевает „сегмент“, „отрывок“, „кусок“, оставшуюся или отрезанную, как-то отделенную часть чего-либо. И вполне возможно, что и наши камни уже в троне Дувā Сецен хāна представляли собой три фрагмента единой округлой глыбы, распиленной по каким-то поверхностям может быть для облегчения доставки к слишком удаленному пункту.

Какова была судьба первого фрагмента, увезенного по воле Тимūra, пока неясно. Два другие „кута“ были доставлены в Самарканд, где и под-

¹ Д. И. Эварницкий, ук. соч., стр. 105.

² А. Е. Ферсман. Самоцветы России. Пгр., 1920, стр. 97—98.

³ Быть может именно он и есть тот камень зеленого цвета, который, по данным Абū Дулафа, в X в. пользовался в Восточном Туркестане у карлуков „великим уважением“, когда перед ним творили суд и во славу его закалывали жертвенных животных. В. В. Григорьев. Об арабском путешественнике X века Абу Долефе и странствовании его по Средней Азии. СПб., 1872, стр. 35 (отд. отт. из ЖМНП).

⁴ Так в рукописях; в упомянутой индийской литографии написано يشب 'яшм'.

верглись обработке, дабы можно было создать из них новую архитектурную форму. Возможно, следом этой работы является целое гнездо мелких якобы нефритовых обломков, обнаруженных в 1871 г. З. Э. Жижемским при пробивке улицы к Гур-и Эмиру от Абрамовского бульвара. Несколько небольших кусков нефрита со следами распиловки были встречены нами в 1943 г. при вскрытии подпольных слоев в самом Гур-и Эмире, где отложился различный строительный мусор, накопленный в момент переустройства памятника при Улуг бēке.¹

В первую очередь подогнали друг к другу два сохранившихся донны на месте крупных куска и именно так, что зеркальное повторение рисунка поверхности бывшего распила могло быть и действительно было улавливаемо наиболее внимательными и вдумчивыми людьми, из числа осматривавших намогильник. Ни размеры доставленных фрагментов, ни их неправильные поверхности, определявшиеся формами дикой глыбы, не дали возможности каменотесам обойтись без подгонки во многих местах и со всех четырех боковых сторон, кроме верха,² отдельных кусков разных размеров и форм. К их числу принадлежал и рассмотренный „третий“ угловой фрагмент относительно незначительных размеров по сравнению с теми объемами, которые должны были быть заполнены рядом других. Не исключена возможность, что при этом нехватало спилов от двух „кута“, привезенных Улуг бēком, и был пущен в дело ранее доставленный при Тимūре.

Как бы то ни было, но в свете новых данных оказывается уже не так был далек от истины бывший везир Мерва Мухаммад Казим, когда в XVIII в. он писал, что Надир шахом было отдано распоряжение увезти из Самарканда тимуровский намогильник, „который из одного куска нефрита“ (پاچه 'кусок', 'часть', 'отдельность'), т. е. был выполнен из материала некогда единой монолитной глыбы. И не так были неправы все те, которые пытались отвести обвинения от Надир шаха в раскалывании „сиотоба“. В 1740 г., когда исполнители воли последнего азиатского „мирового завоевателя“ рьяно взялись в Самарканде за порученное им дело, намогильник Тимūra не разбился на четыре куска, как понимали слова 'Абдулкерѣма кашмирского, а распался на четыре части, причем некоторые из них могли состоять в свою очередь из нескольких кусков, хорошо пригнанных и скрепленных между собой с помощью железных штырей. Вполне возможно, что кое-какие из них, наиболее мелкие, были утрачены и разошлись по рукам

¹ Следы распиловки ясно видны были на ряде мелких кусочков нефрита и черно-зеленого змеевика, наибольшие из которых едва достигали в длину 7 см. Ширина паза пропила колеблется от 1,5 до 1,7 мм; глубина паза — от 2 до 6 мм; ширина излома от 1 до 5 мм. Как исключение, в одном случае наблюдался излом в 1,1 см. Кусочки были отпилены от гальки, так как одна из поверхностей их неровная, сохранившая природный вид. Весьма возможно, что З. Э. Жижемский в свое время встретил также осколки и нефрита и змеевика.

² Один из верхних углов плиты не кончается правильным прямым углом в 90°, а слегка скошен. Учитывая необычайную прочность нефрита, следует полагать, что мастера с самого начала затесали его так, чтобы ради подгонки под прямой угол не подвергать лишним изменениям форму чудесного камня.

тогда же на месте в Самарканде. Один, как мы знаем, оказался „по протекции“ знатного администратора у ‘Абдулкерѣма и запропастился потом где-то в Индии. Во всяком случае, когда перед Надиrom в Мешхеде предстали распавшиеся, неправильной формы куски тимуровского надмогильника, они выглядели очевидно так же непрезентабельно, как и в 1923 г., когда их сняли с цоколя и привалили в сторонке на время производившегося тогда ремонта. Персидский шах поручил правителям и начальникам областей вывезти плиты из пределов Мешхеда вместе с захваченными одновременно бронзовыми дверьми соборной мечети Тимѹра, от станции до станции, в Бухару, а оттуда, якобы по приказанию фактически безгласного хана Абѹ-л-фейза, доставить в Самарканд и „поместить на своем месте так, как было раньше“. Перевозка туда и обратно, по свидетельству современников, обошлась правительству дорого и принесла, должно быть, определенную выгоду кое-кому из участников этой затеи „миродержца“.

Было ли все поставлено „на свое место так, как было раньше“? Очевидно, нет. Заведомо нехватало одного куска, застрявшего у ‘Абдулкерѣма. Могли легко утеряться и некоторые другие. Н. И. Веселовский был прав, говоря, что неизвестно, когда утратился наш „треугольный нефритовый приставок“ с продолжением торцовой надписи. Легко допустимо, что это произошло именно в „безвременье“ тяжелого не для одного Самарканда XVIII в. Во всяком случае, его не было на месте уже давно, о чем свидетельствуют наиболее ранние фотографические снимки. Не отсутствие ли его настолько исказило весь вид надмогильника, что Н. В. Ханьков воспринял его как „имеющего форму усеченной четырехугольной пирамиды, поставленной на верхнее свое сечение“? Так же его иногда изображали на некоторых рисунках 60-х и 70-х годов прошлого столетия.

По показанию последнего владельца, этот кусок с частью надписи был в его семье на протяжении нескольких поколений, в течение какого времени он вовсе не служил предметом эстетического любования, а интенсивно эксплуатировался, о чем свидетельствуют места многочисленных сколов на нем. Именно они и привели к утрате части текста исторической надписи на надмогильнике Тимѹра, причем, вопреки словам В. В. Бартольда, это случилось не „в новейшее время“.¹ Автор спутал торцовую историческую надпись с помещенной на верхней стороне надмогильника родословной, и при этом имел в виду далеко не справедливое высказывание Н. И. Веселовского, будто Барбот де Марни и Мушкетов „молотками отбили куски нефрита“ и при этом били прямо по надписи.² В дореволюционном Туркестане это обвинение разрослось, причем говорилось даже об отколе и увозе за границу углового куска торцовой стороны с частью текста. В действительности оба названные геолога отделили несколько незначительных мелких

¹ В. В. Бартольд. О погребении Тимѹра, стр. 31.

² Н. И. Веселовский. О надгробии Тимѹра, стр. XII.

сколов, необходимых для микроскопического анализа, что не могло сколько-нибудь ощутимо повредить надписи и ее прочтению. Осмотренные мной в 1925 г. образцы, тщательно хранившиеся тогда в Музее Горного института в Ленинграде, отличались исключительной тонкостью и помещались в очень маленькой стеклянной пробирочке. Пресловутый же угловой кусок, якобы попавший за границу, своим появлением счастливо снимает с памяти достойных русских ученых столько десятков лет тяготившее над ними тяжелое обвинение.

1. Копия с оригинала: Л. 1925, стр. 407, таб. XXV, 1.
2. Сибирская Россия. I. Академия Наук СССР, М.-А. 1947, стр. 2, таб. 1.

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА

VIII

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1953 ЛЕНИНГРАД

М. Е. МАССОН

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАМОГИЛЬНЫЕ КИРПИЧИ ИЗ МАРЫЙСКОГО ОАЗИСА¹

„Когда последний вздох испустим мы с тобой,
По кирпичу на прах положат мой и твой,
А сколько кирпичей насушат намогильных
Из праха нашего уж через год-другой!“.

(Омар Хайям, XI—XII вв.).

Среднеазиатские намогильные кирпичи с эпитафиями еще ни разу не использовались в качестве исторических первоисточников, и им не посвящено даже ни одной специальной работы хотя бы описательно-регистрационного характера. Один такой кирпич из Термеза опубликован в I томе „Трудов Термезской археологической комплексной экспедиции“ (ТАКЭ) в 1941 г.² Менее десятка их хранится в Самаркандском и Ашхабадском музеях, в археологических кабинетах Среднеазиатского и Туркменского Государственных университетов. Один крупный намогильный кирпич был добыт в 1949 г. 7-м отрядом Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) на руинах средневекового Мехне. Подавляющее же большинство объектов этого рода не только не собрано, но даже не зарегистрировано и, оставаясь разбросанным на обширных пространствах культурных земель среднеазиатских республик, подвергается риску быть утраченным для науки. Учитывая все сказанное, ЮТАКЭ, имеющая

¹ Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР.

² М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение. Труды Уз. ФАН, серия I, вып. 2, Ташкент, 1940 (1941), стр. 24. В тексте допущена опечатка при указании, что, по палеографическим данным, описываемый намогильный кирпич „можно датировать X веком“, вместо „XI веком“. Объект этот поступил в Ташкентский музей в дореволюционное время, хранился там без всякой документации, но даже при отсутствии сведений о месте находки привлек внимание В. В. Бартольда, включившего транскрипцию его эпитафии в „Отчет о командировке в Туркестан“ (август—декабрь 1920, ИАН, серия V, т. XV, Пгр., 1921, стр. 212). Точное происхождение памятника установлено автором настоящей статьи по переданному ему покойным А. А. Диваевым письму инженера Эпеля к Н. П. Остроумову, которое датировано 30 мая 1916 г. Документ этот сдан мной в Сурхан-Дарьинский музей, находящийся в городе Термезе.

в программе своих изысканий также и сбор эпиграфических материалов, в 1951 г. поставила перед работавшим в Марыйском районе и возглавлявшимся самим начальником экспедиции 18-м отрядом одним из заданий розыск и изучение этих памятников.

Выбор района не был случайным. О том, что в области средневекового Мерва существовал обычай употребления в качестве намогильных плит кирпичей с эпитафиями, имеется указание в „Книге генеалогических имен“ („Kitāb al-ansāb“). Автор этого сочинения XII в. — уроженец Мерва, историк Сам'анӣ — в свое время проявил особое внимание к одной, видимо, полузабытой могиле, находившейся тогда в пределах крупного селения Синдж, на пустынном участке, именовавшемся Язан. Само это селение, расположенное в 7 фарсах от Мерва, он посетил несколько раз, в том числе в 1160 г., в качестве посредника между жителями и осаждавшими их гузами. Заинтересовавшая его могила принадлежала некоему деятелю на поприще ислама из числа местных жителей, скончавшемуся в зү-л-хидже 257/октябре—ноябре 871 г. Сам'анӣ приказал жителям восстановить эту могилу, сам же написал на кирпиче (كج) имя и дату смерти покойного и „послал в это селение [Синдж] для возложения сверху лауха его могилы“.¹

У ЮТАКЭ уже раньше имелись сведения, что где-то к северу от Байрам-Али, на границе песков, имеется плита, покрытая вырезанными на ней надписями, которые никто из местного населения прочесть не может. В 1950 г. во 2-й базисный лагерь экспедиции у городища Гяур-Кала в Старом Мерве окрестные колхозники сообщили, что одна колхозница несколько лет назад нашла на своем участке, севернее Султан-Калы, кирпич с процарапанными буквами, который якобы был увезен каким-то приезжим русским. Намогильный кирпич из развалин Мерва хранится в Музее краеведения Академии наук Туркменской ССР. Наконец, в начале 1951 г. студенты доставили из района, лежащего к югу от Байрам-Али, один кирпич с эпитафией, который передали в Археологический кабинет Туркменского Государственного университета, где он был мной осмотрен и прочтен.

За полевой сезон работ 1951 г. 18-му отряду удалось выявить, в основном с помощью местного населения, шесть намогильных кирпичей с эпитафиями из бывших сельских районов средневекового Мерва, что придает им в историческом отношении особую значимость. Приводим их описание в хронологической последовательности.

1. Судя по палеографическим признакам, наиболее древним является единственный недатированный фрагмент намогильного кирпича, имеющий размеры 14×13,5×4 см. Найден он на кладбище в западной части

¹ Kitāb al-Ansāb of al-Sam'ānī, GMS, v. XX, 1912, стр. 313а. В русском переводе соответствующего текста Сам'анӣ, сделанном С. Волиным, указана дата 257/октябрь—ноябрь 872 г., место погребения трактуется как находящееся „в степи у квартала Базан“ (Материалы по истории Туркмении и туркмен, т. I, М.—Л., 1939, стр. 335). В. А. Жуковский, передавая текст Иакута о Синдже, квартал называет Б. з. и., а датой смерти указывает 870 г. (В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва, СПб., 1894, стр. 45).

городища Кууртлы-Депе, которое расположено в 11 км к северу от средневекового Мерва и соответствует средневековому городку Башан. Лидевая поверхность кирпича сильно разрушена процессом выветривания, протекающим в некоторых местах Мервского района особенно интенсивно благодаря ударному действию приносимых с барханов мелких песчинок. Текст вырезан разновидностью почерка куфи с расположением знаков по горизонтальной линии, с невысокими, строго вертикальными стволами алифов и лямов, с изломами всюду, где это возможно, под прямыми углами без всяких надстрочных и подстрочных знаков (рис. 1).

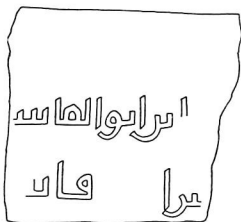

Рис. 1. Фрагмент намогильного кирпича с кладбища средневекового Башана (первая половина V/XI в.).

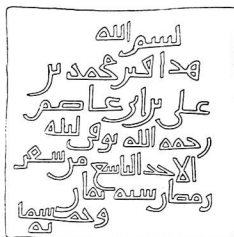

Рис. 2. Намогильный кирпич, хранящийся в Археологическом кабинете Туркменского Государственного университета (503/1115 г.).

От верхней строки ничего не уцелело.

Во 2-й видны слова ...[ابن ابوالقاسم]... '...сын Аб̄-л-Қасима...'.²

В 3-й строке разбирается слово ...[وافته]... '...смерть его...', причем дальше следовала утраченная дата.

По характеру почерка намогильник можно отнести к памятникам X в., но, принимая во внимание наличие известной консервативности и у заказчиков и у машшаков (каллиграфов-эпиграфистов), допустимо считать, что описываемая эпитафия появилась в первой половине XI в.

2. Прекрасной сохранности цельный намогильный кирпич из района к югу от Байрам-Али, хранящийся ныне в Археологическом кабинете Туркменского Государственного университета. Размеры: 27.5×28.5×5 см.

Текст эпитафии безукоризнен в смысле грамотности. Почерк куфи не столь строг, как у первого памятника: при разбивке слов не выдержан принцип расположения их в строках на одной горизонтали; „квадратность“ начертания ряда букв нарушается; удлиняются и получают плавные изгибы конечные буквенные знаки группы ي و ن. При всем том текст лишен пунктуации и знаков чтения (рис. 2).

- [1] بِسْمِ اللَّهِ
 [2] هَذَا قَبْرُ مُحَمَّدِ بْنِ
 [3] عَلِيِّ بْنِ أَبِي عَاصِمٍ
 [4] رَحِمَهُ اللَّهُ تَوَفَّى لَيْلَةَ
 [5] الْاِحْدِ الثَّاسِعِ مِنْ شَهْرِ
 [6] رَمَضَانَ سَنَةِ ثَمَانٍ
 [7] وَخَمْسِمِائَةٍ
 يَه

- [1] Во имя Аллаха!
 [2] Это могила Мухаммада, сына
 [3] 'Али, сына Абӯ 'Асима —
 [4] благословение Аллаха (на него). Скончался в ночь
 [5] воскресения девятого месяца¹
 [6] рамадана года восемь
 [7] и пятьсот'.

Дата смерти — 9 рамадана 508/6 февраля 1115 г.

3. От кирпича, имевшего размеры 29 × 29 (?) × 5 см, отбито около 2/5 правой части. Место находки — упоминавшееся выше кладбище средневекового городка Башан.

Лицевая поверхность кирпича сильно разрушена процессом выветривания. Эпитафия выполнена менее строгим почерком куфи, чем на предыдущем кирпиче. В некоторых словах появляется декоративная растянутость горизонталей. Отдельные слова одной строки очень приблизительно подчинены единому уровню и во второй строчке, например, определенно уступчато громоздятся вверх справа налево. Мастер неудачно расположил текст, поместив слово است, связанное с концом строки 4-й, в уровень строки 6-й (рис. 3).

- [1] بِسْمِ اللَّهِ [الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ]
 [2] هَذَا قَبْرُ أَبِي بَكْرٍ
 [3] [بْنِ جَعْفَرٍ] تَوَفَّى
 [4] [فِي شَهْرِ] رَجَبِ [وَاللَّهُ] الْأَوَّلِ
 [5] سَنَةِ عَشْرٍ
 [6] [وَأَسْت] يَنْ وَ
 [7] خَمْسِمِائَةٍ [يَه]

- [1] [Во имя А]ллаха [милостивого, милосердного!]
 [2] [Это мо]гила Абӯ Бекра
 [3] [сына Джа]фара. Скончался
 [4] [в ме]ся[це Аллаховом а]л-а[сам]м
 [5] [раджаб] года двад-
 [6] [т]вердом -цать и
 [7] [пятьсо[t']'.

¹ В конце строки 5-й ошибочно изображено سحر вместо شهر, — Ред.

Месяц „ал-ахамм твердый“ соответствует общемусульманскому месяцу раджабу. Раджаб 520 г. х. приходится на конец июля—август 1126 г. н. э.

4. Прекрасной сохранности цельный намогильный кирпич с кладбища Худай-Назар-Аулия, в 15 км к северу от средневекового Мерва. Кладбище расположено в южной части территории развалин одноулочного сельского поселения IX—XII вв.; на нем находится обнаруженный 18-м отрядом ЮТАКЭ чудесный мавзолей первой половины XII в. Размеры кирпича $28 \times 28 \times 5$ см; верхняя и боковые стороны имеют фаску шириной 1—1.5 см.

Текст эпитафии заключает небольшие погрешности в арабском правописании. Почерк куфи неряшливого начертания, изобличающего в машшаке

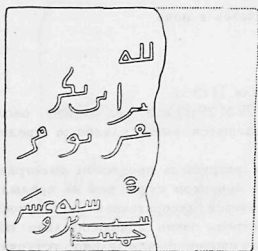

Рис. 3. Кусок намогильного кирпича с кладбища средневекового Башана (520/1126 г.).

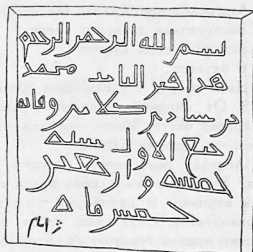

Рис. 4. Кирпич с кладбища Худай-Назар-Аулия (545/1150 г.).

мастера далеко не первой руки: строки не горизонтальны, не параллельны; слова в них расположены не на одном уровне; не соблюдается единства в углах (то прямых, то острых) и единообразия в начертании одних и тех же букв. Отсутствие диакритических знаков указывает на то, что за образец была взята разновидность строгого куфи (рис. 4).

[1] بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

[2] هَذَا قَبْرُ النَّبِيِّ [?] مُحَمَّد

[3] بْنِ شَادِي كَلَادِي [?] وَفَاتِهِ

[4] رَجَبِ الْأَوَّلِ سَنَةِ

[5] خَمْسَةِ وَارْبَعِينَ

[6] خَمْسِ مِائَةٍ

[7] . . . إِمَامِ [?]

[1] Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

[2] Это могила прославленного [?] Мухаммада

[3] сына Шадй Куладби [?]. Смерть его произошла

[4] в месяце рабī I года

[5] сорок пять

[6] пятьсот.

[7] . . . имām [?].

Последнее слово — остаток от уже утраченной, хотя и позднее процарапанной строчки.

Рабī I 545 г. х. приходится на конец июня—июль 1150 г. н. э.

5. Прекрасной сохранности цельный намогильный кирпич с могилы, расположенной в 300 м от северо-восточной окраины развалин городища Али-Аскер IX/начала XIII в., лежащего в 5 км к востоку-северо-востоку от средневекового Башана и в 24 км от средневекового Мерва. Обследованные 18-м отрядом ЮТАКЭ руины Али-Аскер принадлежат бывшему зажиточному городку; ныне частично засыпаны барханными песками. Размеры кирпича $42 \times 28 \times 5$ см.

Текст обрамлен рамкой, оставляющей по краям полосы шириной от 2 до 3 см; в верхней полосе процарапаны зигзаги. В самой эпитафии имеются „описки“ и ряд погрешностей против обычного арабского правописания. Надписи выполнены каким-то смешанным почерком, в котором наряду с искаженными начертаниями отдельных слов и даже элементов, восходящими в основе к куфи, имеются слова, переданные какой-то неуставной скорописью группы почерков насх. В шести случаях имеются точки над буквами (рис. 5).

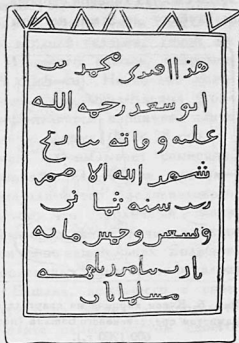

Рис. 5. Кирпич с городища Али-Аскер (598/1202 г.).

[1] هذا اقبوی [так!] محمد بن

[2] ابو سعد رحمة الله

[3] عليه وفاته بتاريخ

[4] شهر الله الاصم

[5] رست سنة ثمانی

[6] وتسعين وخمس مائه

[7] يا رب بيا مرز باهمه

[8] مسلمانان

[1] Это могила Мухаммада, сына

[2] Абӯ Са'да — милость Аллаха

[3] над ним! Смерть его в исчисление

[4] месяца Аллахова ал-а'схамм

[5] твердого, года восемь

[6] и девяносто и пятьсот.

[7] Господи! [Да будет] полное единение со всеми

[8] мусульманами!¹

Месяц ал-ахамм (т. е. раджаб) 598 г. х. приходится на самый конец марта—апрель 1202 г. н. э.

6. Крупный кусок намогильного кирпича с городища средневекового Башана найден на территории обширного квартала керамистов, расположенного в 200 м к северу от самого Кууртлы-Деле. Размеры кирпича 29 × (29) × 5,5 см. На лицевой стороне, в отличие от всех предыдущих, фон вырезан на глубину до 3 мм; на нем выступают выпуклые буквы и рельефно вы-

Рис. 6. Кусок кирпича из квартала керамистов средневекового Башана (после 600/1200 г.).

деляется обрамление в виде сложной картушеобразной рамки. Почерк эпиграфии более примитивный, чем на кирпиче из Али-Аскера, и только на двух верхних строках может быть отнесен к разновидностям куфи. Начертания и расположение слов неряшливы. В нескольких случаях имеются точки у буквенных знаков (рис. 6).

[1] حمداً للرحيم

[2] بسم الله الر

[3] هذا ما [? . . . ?]

[4] حسن بن ابراهيم

[5] وفاته في شهر

[6] رجب سنة [. . .]

[7] وستمائة

[1] Мило[сердного милостивца]

[2] Во им[я Аллаха все-]

[3] Это убе[жище . . . ?]

[4] Хасана, сына Иб[рахима].

[5] [С]мерть его [по]следовала в [месяце]

[6] раджабе года [. . .]

[7] и шестьсот².

Поскольку археологическим обследованием установлено, что Башан перестал существовать в связи с завоеванием Мервского района монголами в 1221—1222 гг., нужно полагать, что дата не превышала дату 619/1222 г.

¹ Первые слова 7-й строки помогли мне транскрибировать сотрудники Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР Д. Г. Вороновский и А. К. Мурадов, за что приношу им искреннюю благодарность.

² Ср. формулу: . . . هذا ما يشهد (В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии Академии Наук СССР. Труды Музея палеографии, III, Л., 1929, стр. 114).

Возможно даже, что тогда керамисту было поручено изготовление намогильного кирпича для только что скончавшегося некоего Хасана. Так как заказанная плита осталась на участке, где располагался хумдан, этот факт также допустимо поставить в связь со страшным разгромом Мерва и его района монгольскими войсками.

Переходя к общей характеристике описанных памятников, следует прежде всего отметить, что большинство из них имеет квадратную или почти квадратную форму с вариантами размеров в пределах от $28 \times 28 \times 5$ до $29 \times 29 \times 5.5$ см. В этом отношении они совпадают с размерами того строительного кирпича, из которого в мавзолее султана Санджара (ум. в 552/1157 г.) выведены основные кладки от фундамента до верхней галереи. Такой же кирпич встречается и на других памятниках Мервского района, например в каравансарае XI—XII вв. в Башане ($29 \times 29 \times 5.5$ см). Несколько меньших размеров был лишь наиболее древний намогильник Абу-л-Касима (толщина кирпича 4 см), и, наоборот, более крупной является кирпичная плита начала XIII в., имеющая к тому же продолговатую форму (42×28 см).

Местное изготовление всех этих намогильников не вызывает сомнения, поскольку широкое производство жженных кирпичей в XI—XII вв. археологическими работами последних лет установлено для всего средневекового Мервского оазиса. Нет ничего невероятного в том, что „столичный“ Мерв выпускал высокого качества кирпичи с эпитафиями, в связи с чем именно оттуда Сам'ийн выслал в Сандж упоминавшийся выше намогильник. Большое значение имеет факт обнаружения шестой из описанных плит среди отвалов из хумданов в квартале керамистов городка Башана, лежавшего в свое время на разветвлении торговых караванных путей из Мерва в Хорезм и Согд. Эта, так и не попавшая на кладбище, плита самым местом своего обнаружения уже документально подтверждает не только наличие спроса в сельской округе Мерва на такого рода памятники, что и без того явствует из ареала последних, но и их „провинциальное“ происхождение. Под этим углом зрения становится понятным и недостаточная грамотность составителей текста эпитафий, и невысокое искусство машшаков, и малая опытность резчиков, причем в ряде случаев все эти виды работы выполнялись, вероятно, одним лицом из местных „грамотеев“. Естественно, что лучших мастеров притягивал к себе рынок Мерва, а в сельском районе подвизались второразрядные и третьестепенные ремесленники, невысокая квалификация которых наложила определенный отпечаток на их продукцию в виде отмеченных ошибок в арабском правописании или малой изящности в линиях почерков.

Наши намогильники из сельских районов Мерва интересны также с точки зрения социального происхождения покойников, для которых они предназначались. Любопытно, что все эпитафии прямо не связаны с чиновными людьми или с лицами духовного звания. Нет ни длинных родословных, ни пышных титулов, ни хотя бы почетного прозвища *خواجه*, ни звания *الشيخ*, встречаемых на подавляющем большинстве дошедших до нас средневековых

намогильных кайраков. Скромно указывается, что это — ¹‘могила’ قبر — тако-го-то, сына такого-то, с упоминанием одних имен. Лишь на плите 508/1115 г. приведено еще и имя деда, опять же без всякой титулатуры. Очевидно, упомянутые на рассмотренных кирпичах покойники принадлежали к имущей среде сельской округи и мелких провинциальных городков и в основном, вероятно, являлись купцами, ремесленниками или владельцами усадеб с не-крупными земельными участками при них.

Несколько особняком стоит в этом ряду кирпич 545/1150 г., в эпитафии которого имя покойника дано с упоминанием отца. Отсутствие других подробностей из его родословной намекает, с одной стороны, на возможно не очень знатное (скорее даже именно плебейское) его происхождение, а с дру-гой — на большую популярность этого лица при жизни. Во всяком случае, для своего времени он в глазах людей был, повидимому, „ученым“, оче-видно с богословской направленностью. Несколько столетий спустя мед-жауры, жившие при мавзолее XII в., на кладбище Худай-Назар-Аулия, в видах более успешной эксплуатации „правоверных“ стали выдавать этого Мухаммада за лицо, причастное к мусульманскому духовенству. Это яв-ствуется из добавленной к основному тексту эпитафии седьмой строчки, от которой уцелело только слово „имām“. Выцарапанная небольшими буквоч-ками и на незначительную глубину эта поздняя коротенькая надпись в остальной части ныне уже утратилась.

При хронологическом рассмотрении намогильных кирпичей Мервского района наглядно выявляется, что приходящиеся на первую половину XII в. во всех отношениях лучше более поздних. Эпитафии на арабском языке составлены грамотнее. У исполнителей текста еще чувствуется старая кал-лиграфическая школа, уделявшая много внимания почеркам куфи. Не слу-чайно пока не обнаружено ни одного намогильного кирпича времени так называемой „гузской смуты“, когда сельские районы Мерва тяжело пере-живали экономический упадок, засвидетельствованный не только письмен-ными источниками, но и археологическими наблюдениями. На последние десятилетия перед монгольским нашествием, т. е. на пору вхождения области Мерва в состав государства Хорезмшахов, приходится два намогильных кирпича.

Описывавшие ужасные последствия монгольского завоевания Средней Азии мусульманские авторы, а за ними и многие европейские историки слишком переоценивали благосостояние страны, в каком она находилась при последнем хорезмшахе Мухаммаде. Работы ЮТАКЭ показали, что сте-пень „процветания“ тогдашнего Мерва сильно преувеличена. В нем самом была заселена только часть площади, которую занимал город при Сель-джукидах. В его оазисе многие городки и селения так и не оправались до

¹ В пышных средневековых эпитафиях влиятельных шейхов или светской аристократии довольно часто вместо ¹‘могила’ قبر употребляется термин ²‘сад’ — буквально ‘сад’, метафориче-ски — ‘место упокоения’, ‘усыпальница’, ‘могила’.

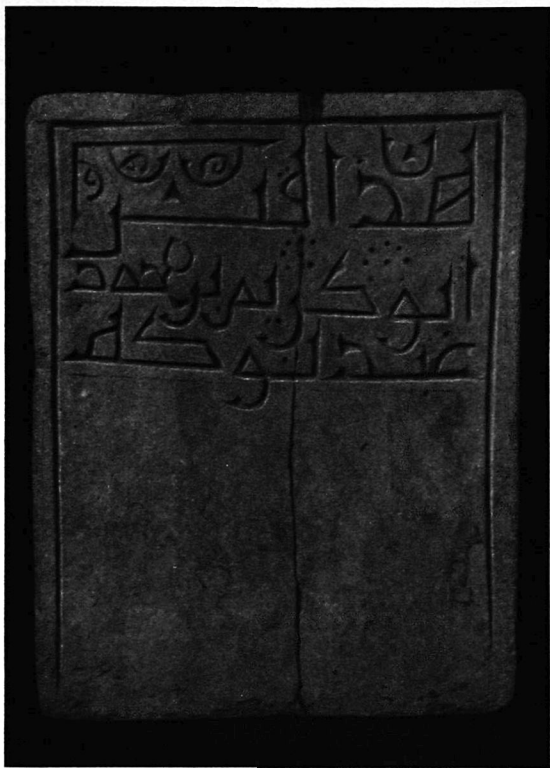

Рис. 7. Кирпич с городища средневекового Мехне (V/XI в.).

самого момента появления монголов, оставались в заброшенном состоянии со второй половины XII в.

Некоторые дополнительные штрихи для характеристики этой эпохи дают наши намогильные кирпичи, по которым чувствуется, что культурный и экономический уровень сельских местностей стал ниже по сравнению с первой половиной XII в. Текст их эпитафий обрамляется то примитивными, то, наоборот, усложненными, но безвкусными картушеобразными рамками. Куфи уступает место более скорописной разновидности почерка группы насх, еще не устоявшейся, требующей большего совершенства в технике исполнения, чтобы передать изящество его стиля, а в воспроизведении сельских мастеров выглядящей почти детски-примитивно. В мелких городках составители эпитафий уже плохо владеют арабским языком и делают в правописании ошибки. В арабский текст вставляются отдельные таджикские слова и иногда целые фразы, а обороты, подобные *قبرى محمد*, повидимому, можно рассматривать как своеобразные „таджикизмы“.

В отличие от всех ранее известных средневековых намогильных кирпичей с эпитафиями не только в Туркмении, но и по всей Средней Азии, подавляющее большинство вновь открытых в Мервском районе объектов содержит точные даты. Это делает их особо ценными в эпиграфическом отношении и позволяет теперь легче ориентироваться во всей группе этих памятников.¹

Можно думать, что кирпичи, подобно простым гладким галькам — кайракам, были одними из наиболее ранних намогильных памятников, укладывавшихся на земляные бугорки мусульманских погребений в Средней Азии. Сперва для этого использовали обыкновенные строительные кирпичи. Позднее на них начали, как и на кайраках,² делать разные знаки. Очень вероятно, что к этой категории следует относить встречающиеся в Мавераннахре раннесредневековые квадратные и продолговатые обожженные кирпичные плитки с оттиснутыми на одной стороне неглубоким штампом кругами, розетками, фигурами зубчатых крепостных кунгра с прорезью и другими изображениями. Лучшая по полноте и разнообразию коллекция их, собранная на городище Рабинджана, хранится в археологических фондах Самаркандского музея и может быть датирована IX—X веками.

¹ В Иране, где имеются аналогичные памятники, датированные объекты попадаются нечасто. Так, среди обнаруженных в Исфагане в 1935 г. пяти намогильных кирпичей с куфическими эпитафиями только один имеет дату — раджаб 555/июль — август 1160 г. См.: J. C. Miles. *Epitaphs from an Isfahan Graveyard*. *Ars Islamica*, v. VI, pt. 2, 1939, стр. 151—157.

² Среднеазиатским мусульманским намогильным кайракам в смысле изучения повезло больше, чем намогильным кирпичам. Первая публикация кайраков связана с работами геолога И. В. Мушкетова (И. В. Мушкетов. *Туркестан*, т. I. СПб., 1886, стр. 397—399). Ими занимались преимущественно русские исследователи: Н. Г. Малицкий, Н. Н. Пантусов, Н. П. Остроумов, В. В. Бартольд, В. Л. Вяткин и другие, а за советское время, М. С. Андреев, М. М. Дьяконов, М. Е. Массон.

Отчасти в X, а в основном в XI в. на кирпичах начинают появляться эпитафии, отличающиеся большой лаконичностью, не содержащие еще в себе даты смерти и часто заканчивающиеся каким-нибудь немногословным благочестивым восклицанием. К подобным плитам XI в. относится, между прочим, упоминавшийся выше крупный намогильный кирпич из развалин средневекового Мехне близ Меаны (рис. 7). Его размеры $47 \times 35 \times 5$ см. Большая часть лицевой поверхности оставлена пустой. Эпитафия расположена в три строки и размещена в верхней части кирпича; она содержит всего семь следующих слов: *هذا قبر ابو كريم بن محمد عبد نوگه* 'Это могила Абү Карима сына Мухаммада Абду Нүга'.

В Согде получают распространение преимущественно небольшие продолговатые намогильные кирпичи ($30 \times 15 \times 4-5$ см³ и др.) с продавленной полуциркульной или фестончатой аркой. Из районов правобережного Тохаристана известны пока только квадратные. В областях Мерва и Абиверда преобладают квадратные кирпичи, хотя встречаются и слегка продолговатые с небольшим удлинением по высоте. Местную особенность представляют кирпичи крупных размеров (около 50 см в стороне). Некоторые из них имеют вписанную в прямоугольную рамку многолопастную арку, причем получившиеся тимпаны в виде сферических треугольников заполнены растительным орнаментом.

С течением времени текст эпитафий удлиняется. В начале их появляется „басмала“ или какая-нибудь другая религиозная формула. В конце эпитафий с XII в. начали проставлять даты смерти, а иногда помещать различные благочестивые восклицания. Пока самым ранним датированным объектом является намогильный кирпич № 2 из Мервского района с упоминанием 508/1115 г. Самым поздним датированным средневековым намогильником этой группы на сегодня надо считать кирпич № 6 из Башана начала VII/XIII в.

Так как обожженная глина представляет собой более хрупкий материал, чем естественные гальки из кварцеватого песчаника и других горных пород, до нас дошло небольшое число средневековых намогильных кирпичей, особенно по сравнению с довольно многочисленными кайраками. Вместе с тем, поскольку кирпичи все же очень удобны для помещения на них эпитафий и легко доступны благодаря своей широкой распространенности, к ним иногда прибегали с этой целью и в новое время. Так, ЮТАКЭ в 1947 г. обнаружила несколько таких намогильных кирпичей XVIII—первой половины XIX в. на заброшенном кладбище с западной стороны городища Анау. Обычай класть на могильную насыпь кирпич с надписью широко распространен у разных племен туркменского народа. На ныне действующих туркменских кладбищах в разных районах можно найти немало таких кирпичей, взятых обычно с руин какого-нибудь расположенного вблизи старинного здания. Эпитафии, составленные до революции или в начале 20-х годов нашего века, исполнены насталиком, а иногда неумело переданным куфи (последнее чаще всего на могилах духовенства). Позднее появляются эпита-

фии, написанные реорганизованным при советской власти арабским алфавитом. Наконец, в последнее десятилетие отмечается большое число намогильных кирпичей, эпитафии которых написаны по-туркменски, но русским алфавитом, причем год смерти обозначается уже не арабскими цифрами в европейском начертании.

Средневековые намогильные кирпичи Средней Азии заслуживают пристального внимания историков. Их специальное всестороннее изучение, в частности, даст новый, еще не привлекавшийся районный материал к вопросу об эволюции куфического письма в Средней Азии, начало разработки которого положено трудами В. А. Крачковской.¹ Ей же автор глубоко признателен за уточнения в расшифровке некоторых приводимых в данной статье эпитафий.

¹ В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии. ЭВ, III, М.—Л., 1949, стр. 3—27.